ЛОГИКА НОВОЙ МИРОУСТРОИТЕЛЬНОЙ АРХИТЕКТониКИ: ПРАКТИКА И ТЕОРИЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ МНОГОМЕРНОГО МИРА И ПОИСК КИТАЕМ СВОЕГО МЕСТА

Предисловие главного редактора к № 4, 2020 и №1, 2021

Алексей Дмитриевич Воскресенский

*Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 августа 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: В статье показана логика нарождающейся мироустроительной архитектуры постпандемического мира. Анализируются этапы становления в России теоретического знания о формировании многомерного, взаимозависимого и полицентричного мира. Уделено внимание практике поиска Китаем своего места в этом мире. Показываются преимущества мирового комплексного регионоведения как междисциплинарной методологической платформы анализа процессов многомерного и полицентричного мира и одновременно как этапа формирования мироустроительной теории многомерной и взаимосвязанной полицентричности. Объясняется как формируется взаимосвязанность в мире глобальных регионов, обосновываются концепции функциональности и трансрегионализма как инструменты взаимосвязанности. Уделено внимание дискуссиям о месте востоковедения в российской номенклатуре общественных наук и возможным будущим направлениям трансформации науки о международных отношениях.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., PhD (Манчестерский университет), профессор, Директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор Кафедры востоковедения, Факультет международных отношений, МГИМО МИД России e-mail: sranvitpolit@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: многомерный полицентричный мир; теория международных отношений; наука о международных отношениях; комплексное регионоведение; мировое комплексное регионоведение; Китай; функционализм; трансрегионализм</p>	

Постулирование стадильности осмысления и переосмысления процессов становления многомерного мира

Осмысление и переосмысление многомерного мира прошло ряд структурно-содержательных стадий становления. По началу это осмысление шло в основном в русле всеобще-исторического осмысления мировых процессов, далее стали отчетливо намечаться две тенденции – мирополитическая и мироустроительная. Первая апелли-

ровала преимущественно к политическому пониманию составляющей национальных и международных процессов на основе осуществления властных функций и де-факто иерархизированной системы устройства мира, вторая – к мироустроительному, т.е. шире, чем политическому, включая в том числе и практическое, и управленческое

измерение и ориентированное на гармонизацию всех процессов с ориентацией на развитие. Каждая из этих тенденций имела свои последствия с точки зрения преодоления старого или трансформации, ведущей к какому-то новому качеству¹.

Сначала в Институте Дальнего Востока РАН, а затем уже и в самом МГИМО стала разрабатываться концепция многофакторного равновесия международных отношений². В основе работ на эту тему поначалу лежала проблематика, связанная с Китаем³, прежде

всего проблемы построения взаимовыгодных конструктивных отношений между двумя соседями – авторитарным государством, перешедшим от тоталитарности к открывающемуся, ограниченно конкурентному авторитаризму в области политики и динамично развивающейся рыночной экономики все более конкурентного типа и другим – стремительно трансформирующимся от тоталитаризма и авторитаризма к демократической форме правления на основе свободного и ничем не ограниченного рынка. Т.е. в основе теории многофакторного равновесия в международных отношениях многомерного мира лежала прежде всего не разработка проблем собственно китаеведения, хотя такая задача также ставилась, но проблем теории международных отношений и взаимоотношений государств в их ипостаси сложных и трансформирующихся двусторонних отношений, прежде всего государств, имеющих долгую, тесную и сложную историю международных контактов. Китай и Россия были взяты в качестве кейсов, которые позволяли выйти на обобщения макроисторического и политического характера, проверенные на достаточно протяженном историческом материале различных аспектов двусторонних отношений.

При разработке этой концепции очень быстро стало ясно, что одними теоретическими построениями в области международных отношений также не обойтись. В то же время кейсы России и Китая максимально удачно отвечали теоретической и практической необходимости разработки комплексных построений и конкретно проблеме соотношения национальных, государственных, общественных и личных интересов, решение которой позволяло проверять теоретические построения, в том числе и на практике современных трансформаций, а также позволяло строить расширительные интерпретации на основе конкретной концепции.

Конечно, теория многофакторного равновесия в международных отношениях была ориентирована на применение не только в

¹ Барановский В. Новый порядок: преодоление старого или его трансформация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, №5. С. 7-23. [Baranovsky, Vladimir G.. New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern? // *World Economy and Internal Relations*, 2019, Vol. 63, No. 5, pp. 7-23.]; Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // *Политические исследования*. 2016. № 1. С. 29-43. [Alekseyeva, T.A.; Lebedeva, M.M. Chto proiskhodit s teoriyey mezhdunarodnykh otnosheniy (What Happens to the Theory of International Relations) // *Politicheskiye issledovaniya*, 2016, No. 1, pp. 29-43.]

² Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / А.Д. Воскресенский; Моск. обществ. науч. фонд; Ин-т Дальнего Востока РАН; центр «Россия-Китай». М.: 1999. 408 с. [Voskressenski, Alexei D. Rossiya i Kitai: Teoriya i Istoriya Mezghosudarstvennikh Otnoshenii (Russia and China: Theory and History of Inter-State Relations). Moscow: Institute of Far Eastern Studies / Moscow Public Science Foundation, 1999. 408 p.]; *Russia and China: A Theory of Inter-State Relations* / A.D. Voskressenski. London & New York: RoutledgeCurzon, 2003. XXV, 278 p.; Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний / А.Д. Воскресенский; МГИМО(У) МИД РФ; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Восток-Запад / Муравей, 2004. 603 с. [Voskressenski, Alexei D. Kitai i Rossiya v Evrazii: Istoricheskaya Dinamika Politicheskikh Vzaimovliyaniy (China and Russia in Eurasia: Historical Dynamics of Political Influences). Moscow: Institute of Far Eastern Studies / East-Vest Publishers, 2004. 603 p.]

³ Воскресенский А.Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика / А.Д. Воскресенский; Никитский клуб. – М.: Восток-Запад, 2004. – 124 с. [Voskressenski, Alexei D. Rossiisko-kitaiskoye Strategicheskoye Vzaimodeistviye i Mirovaya

Politika (Russian-Chinese Strategic Interaction and World Politics). Moscow: Nikitskii Club – Votok-Zapad Publishers, 2004. – 124 p.]

России и Китае и для России и Китая, но как минимум и для стран Центральной Азии, а в идеале и для всей Евразии в целом. Т.е. эта теория была ориентирована на объяснение и прогнозирование политики стран, в которых авторитарное начало и сложное историческое прошлое в отношениях оказывали большое влияние на практику построения отношений в целом, продолжают играть большое значение, или же которым пришлось «конструировать» прошлое по каким-то причинам заново, «нормализуя» или «повторно нормализуя» свои отношения.

Поскольку проверить эту теорию на всем огромном евразийском региональном сравнительном материале, который к тому же в 1990-ые и 2000-ые годы стал претерпевать стремительную трансформацию, было крайне сложно, если не невозможно, теория многофакторного равновесия была разработана и проверена на материале исторического полотна 400-летней истории русско-китайских, советско-китайских и российско-китайских отношений. Практическая сторона этой теории, разработанной в конце 1990-ых годов, для понимания, форматирования и прогнозирования взаимоотношений России и Китая, нормализации советско-китайских, а потом повторной нормализации российско-китайских отношений и установления партнерских отношений между двумя странами, была в достаточно высокой степени востребована, в то время представлялась новацией в объяснении, прогнозировании и форматировании двусторонних отношений и существенным приращением международной теории⁴, а общая теоретическая состав-

ляющая оказалась важна и для молодого поколения исследователей в последующие годы⁵. К слову, эвристический потенциал этой теории не исчерпан и сегодня, учитывая поворот к геополитическим противостояниям, конкуренции и переформатированию геополитического пространства.

Логика расширения фокуса анализа и создание теоретического аппарата для аналитики и исследований: Китай – Восток – Запад

Однако далее стало ясно, что движение вперед в области теории возможно, если в

⁵ Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития [Ananyina, K.A. The Influence of the Chinese Factor on Indian-American Relations in Modern World Politics. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development (in Russian)]; Конкин А.А. Структурные особенности трансрегионального партнерства стран БРИКС и его потенциал в системе глобального управления. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. [Konkin, A.A. Structural Features of the BRICS Countries' Transregional Partnership and Its Potential in the Global Governance system. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development (in Russian)]; Кузнецов Д.А. Феномен международного трансрегионализма и его влияние на современные мирополитические процессы. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. [Kuznetsov, D.A. The phenomenon of International Transregionalism and Its Impact on Modern World Political Processes. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development. (in Russian)]

⁴ См. рецензии: «НГ-Экслибрис», сентябрь 2000; Е.Д. Степанов, Свободная мысль, 1996, № 11, С. 125; Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / П.М. Иванов, А.И. Салицкий, С.М. Труш, А.В. Ломанов и др. // Восток. Афроазиатские общества: история и современность, 2000, № 5-6. [Voskresenskiy, A.D. Rossiya i Kitay: teoriya i istoriya mezhgosudarstvennykh otnosheniy (Russia and China: Theory and History of Interstate Relations) / P.M. Ivanov, A.I. Salitskiy, S.M. Trush, A.V. Lomanov // Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost', 2000, No. 5-6.]

фокусе интересов будет не только Китай, но и весь Восток, и даже шире, чем Восток – Незапад в целом. Логика этого понятна – хотя Россия и вошла в состав ядра мировых демократических государств мира, однако уступала им по всем параметрам, а успешного быстрого политического и финансово-экономического транзита к новому качеству не происходило. Наоборот, последовала серия финансово-экономических кризисов конца 1990-ых гг., этап политической нестабильности, «семибанкирщины», олигархического капитализма и замедленной экономической трансформации. Такая ситуация вызвала нарастание напряжения отношений с западными странами и стимулировала поиск альтернативных путей повышения стабильности и успешности внешней политики. Параллельно процесс мировой демократизации (третья волна демократизации) по разного рода причинам стал встречать противодействие, поскольку приводил в отдельных региональных сегментах мира не к улучшению экономической ситуации, а к дальнейшим политическим и экономическим трудностям в построении практических моделей устойчивого развития. Для дальнейшего теоретического осмысления мирового процесса требовалось более глубокое понимание структурно-политических характеристик мира, в том числе и прежде всего – Востока, которые определялись историей, культурой и их международно-политическими составляющими. Для этого нужно было «достроить» сравнительную политологию⁶, которая

была тогда, да и по сей день во многих отношениях все еще остается «западоцентрированной» дисциплиной, до «глобальной» или «мировой» сравнительной политологии «через» объяснения «незападной» / «восточной» структурной специфики, которая или была незнакома многим политологам в силу их западоцентричного, а подчас и непрофильного образования – или попросту игнорировалась из-за узкого, «зашоренного» понимания мирополитической проблематики⁷. Однако в мирополитической и сравнительно-политической проблематике ее макрорегиональная восточная часть, концептуально, содержательно и геополитически была чрезвычайно важной, в том числе и из-за неоднократных попыток силового трансформирования глобальных процессов, как со стороны Запада, так и со стороны Востока.

Другой стороной этого процесса была созидательная и конструктивная составляющая «восточного мира» – происходило усиление конструктивно-созидательной структурной роли Востока в мирополитических процессах. Важнейшей частью этого нового мирового тренда стали процессы в Восточноазиатском регионе, «Большой Восточной Азии» и, в частности, в связи с перспективами комплексной трансформации Китая⁸.

⁶ Политические системы и политические культуры Востока / МГИМО(У) МИД России; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 827 с. [Politiesheskie sistemy i politiesheskie kul'tury Vostoka (Political Systems and Political Cultures of the East). Moscow: Vostok-Zapad, 2007. 827 p.]; Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2011. 685 с. [Vostok i politika: Politiesheskie sistemy, politiesheskie kul'tury, politiesheskie protsessy (The East and the Politics: Political Systems, Political Cultures and Political Processes). Moscow: Aspekt Press, 2011. 685 p.]; Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. МГИМО (У) МИД России. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: МГИМО-Университет, 2015. 624 с. [Vostok

i politika: politiesheskie sistemy, politiesheskie kul'tury, politiesheskie protsessy (The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes). 2nd Ed. Moscow: MGIMO University, 2015. 624 p.]

⁷ Воскресенский А.Д., Белокреницкий В.Я., Лунев С.И., Стрельцов Д.В., Ефремова К.А. Восток в мировой политике. Сравнительный анализ мировых процессов. М.: Издательство «Юрист», 2010. 146 с.; Специальный выпуск журнала «Сравнительная политика». № 2, 2010; Voskressenski, Alexei D.; Belokrenitskii, V.Ia.; Lunev, S.I.; Strel'tsov, D.V.; Efremova, K.A. Vostok v mirovoi politike. Sravnitel'nyi analiz mirovykh protsessov (The East in World Politics. Comparative Analysis of World Processes). Moscow: Izdatel'stvo Jurist, 2010. 146 p. (Special Issue: *Sravnitel'naia politika (Comparative Politics)*, № 2, 2010.)

⁸ «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс. МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет,

В этом процессе формулирования новых и переформулирования старых макрорегиональных мирополитических и структурных закономерностей концептуализация китайского и азиатского феноменов сыграла решающую роль.

Важно отметить, что перспективной площадкой для осмысления этих трансформаций стало интеллектуально «прозрабающее» в то время направление «регионоведение». Направление это считалось малокреативным, неперспективным и консервативным. Однако неожиданно оказалось, что «оставленное умирать» и не имеющее никакой административной и финансовой поддержки направление стало динамично развиваться из-за своей внутренней содержательной конкурентности, которая позволяла не копировать чужие теории, а вполне в соответствии с международными стандартами развивать те креативные сегменты теории, которые по каким то причинам не были охвачены ни теорией международных отношений (ТМО), «внутри» которой стремительно развивалась такое направление, как мировая политика, ни классическим регионоведением (*Area Studies*), которое не могло найти для себя приемлемой методологической базы и которое справедливо критиковалось за эклектицизм подходов и субъективное отражение сиюминутных политических и внешнеполитических интересов великих держав. Регионоведение в то время считалось оплотом консерватизма и архаики в общественных науках. Далее ситуация начала быстро меняться – это направление получило конкурентное название – «зарубежное регионоведение», а затем, в ходе своего развития, стало все более комплексным и интегративным. Это потребовало создания содержательного стержня и учебной метадисциплины, которая получила название «мировое комплексное регионоведение»⁹.

2010. 443 с. [«Bol'shaja Vostochnaja Azija»: mirovaja politika i regional'nye transformacii ("The Greater East Asia": World Politics and Regional Transformations). Moscow: MGIMO University, 2010. 443 p.]

⁹ Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике. Т. 1, М.: МГИМО Университет, 2018. 597 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie v pedagogicheskoj praktike. T. 1, M.: MGIMO University, 2018. 597 p.]

regionovideniye v pedagogicheskoi praktike (World Regional Studies in Pedagogical Practise). Vol. 1. Moscow: MGIMO University, 2018. 597 p.]; Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике. Т. 2, М.: МГИМО Университет, 2018. 478 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovideniye v pedagogicheskoi praktike (World Regional Studies in Pedagogical Practise). Vol. 2. Moscow: MGIMO University, 2018. 478 p.]; Модульный принцип обучения востоковеда в условиях Болонского процесса: сравнит. анализ междунар. опыта и авторская концепция модульной магистерской программы «Афро-азиатские исследования» по направлению «Зарубежное регионоведение» / А.Д. Воскресенский, К.А. Ефремова, С.И. Лунёв, С.Г. Лузянин; МГИМО(У) МИД России, каф. востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2007. 191 с. [Modul'nyi printsip obucheniia vostokoveda v usloviakh Bolonskogo protsessa: sravnit. analiz mezhdunar. opyta i avtorskaia kontseptsiiia modul'noi masterskoi programmy «Afro-aziatskie issledovaniia» po napravleniiu «Zarubezhnoe regionovedenie» (Modular Approach for Asian Studies Students in Bologna Process: Comparative Analysis of International Practice and the Author's Conception of Modular Master Programme "Asian and African Studies" (World Regional Studies))] / A.D. Voskressenski, K.A. Efremova, S.I. Lunev, S.G. Luzianin; Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2007. 191 .]. Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: науч.-метод. / учеб.-метод. комплекс по регионоведению. В 4 ч. Ч. 4. (1): Магистерская программа «Исследования регионов стран Азии и Африки» / МГИМО(У) МИД России, каф. Востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2005. 356 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie i mezhdunarodnye otnosheniia: nauch.-metod. / ucheb.-metod. kompleks po regionovedeniiu. V 4 ch. Ch. 4. (1): Masterskaia programma «Issledovaniia regionov stran Azii i Afriki» (World Comprehensive Regional Studies: educational / methodology compendium (Vol. 4-1): Master programme "Asian and African Studies" / Ed. and comp. by A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2005. 356 p.]; Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: науч.-метод. / учеб.-метод. комплекс по регионоведению. В 4 ч. Ч. 4. (2): Магистерская программа «Исследования регионов стран Азии и Африки». МГИМО(У) МИД России, каф. востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2005. 355 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie i mezhdunarodnye otnosheniia: nauch.-metod. / ucheb.-metod. kompleks po regionovedeniiu.

Эта дисциплина стала концентрироваться на теоретико-практическом осмыслении мироустроительных процессов.

Лежащие в основе «мирового комплексного регионоведения» оригинальная методология и теория основывались на «отсечении» методологических и теоретических крайностей, концентрации на практико-ориентированных инструментах анализа, на получении практических результатов синтетического и комплексного характера¹⁰. Это «отсечение» диктовалось прежде всего практической целесообразностью – необходима была не только и не столько концептуализация структурной специфики того, что условно называется «Западом», поскольку за этим направлением стояла вся мощь интеллектуального потенциала западного политического сообщества, но и особенно того, что условно называется «Незападом», частью которого является «Восток». Связано это было с практической необходимостью отражать в анализе и прогнозировании новейшие тенденции мироустроительного характера, связанные с Востоком, поскольку все то, что было ассоциировалось с политическими процессами в Западных странах в научной литературе и политической жизни, объяснениях и описаниях превалировало

стократным образом. Таким образом интерес к комплексному регионоведению не случаен, связан с глубоким профессиональным интересом к новому осмыслению всемирно-исторического процесса во всей реальной сложности и особенно с анализом практической политической и мироустроительных составляющих, а также с их теоретической и практической интерпретациями.

Логика вычленения регионального уровня анализа

С точки зрения теории, мировое комплексное регионоведение базируется на положении о том, что «между» глобальным подходом, реальной мировой политикой и международными отношениями конкретных государств есть региональный уровень, возникший на этапе перехода системы от биполярности / однополярности к полицентричности, которая находится в стадии постоянной трансформации. Именно на этом уровне формируется то, что потом может стать глобальным, а глобальное в конкретной политике, приобретает в практической действительности макрорегиональный и региональный характер. Региональный уровень – это полигон для национального, функция которого состоит в том, чтобы защищать и продвигать конкурентное национальное, а удачно обобщенное и не отторгаемое на этом уровне региональное становится макрорегиональным и глобальным.

Соответственно, важными для понимания логики новой мироустроительной архитектоники являются следующие проблемы: какую роль в формирующейся полицентричности может играть региональное распределение силы или мощи?¹¹ Играет ли влияние, мастерство решения национальных и региональных проблем, наконец – лидерство, большую роль в нынешних условиях, чем

V 4 ch. Ch. 4. (2): Magisterskaia programma «Issledovaniia regionov stran Azii i Afriki» (World Comprehensive Regional Studies: educational / methodology compendium (Vol. 4-2): Master programme “Asian and African Studies”. Moscow: MGIMO University, 2005. 355 p.]

¹⁰ Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. М.: Магистр: ИНФРА-М., 2015-2020. 448 с. [Mirovye kompleksnoye regionovedeniye. Vvedeniye v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: Introduction into the Professional Field: a course book). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015-2020. 448 p.]; Мировое комплексное регионоведение. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014-2020. 416 с. [Mirovye kompleksnoye regionovedeniye (World Comprehensive Regional Studies: a course book). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.]; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014-2020. 560 с. [Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (Praxis of World Regional Studies and World Politics). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 560 p.].

¹¹ Дегтярев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: RuScience, 2020. [Degterev, D. Otsenka sovremennoi rasstanovki sil na mezhdunarodnoi arene b formirovaniye mnogopolyarnogo mira (Appraisals of the Contemporary Arrangements on International Arena and the Formation of Polycentric World). Moscow: RuScience, 2020. 213 p.]

сила? Как влияние, сила, мощь влияют на региональные нормы с точки зрения шансов для них стать универсальными в регионе и шире – на международном и глобальном уровне? Как региональный уровень может влиять на политики региональных держав, в том числе и с точки зрения превращения их в глобальные державы или в глобальных гегемонов? Как региональная интеграция может быть связана с региональным и глобальным лидерством? Какую роль региональные коалиции играют в продвижении к глобальной гегемонии или супер-державности? Или в торможении этого процесса? Что такое региональная держава и какую роль в многополярной международной системе может играть эта категория держав? При каких условиях региональная держава может стать глобальной? А глобальная держава возвратиться на региональный уровень или восприниматься как де-факто региональная?

Главный результат этой интеллектуальной работы – формирование плюралистическо-ориентированной мировой теории международных отношений (ТМО) через ее частичную «национализацию» и расширение применения для более успешной практической деятельности и подготовки нового поколения исследователей и практиков уже на новом уровне познания мира. Естественно, что глубокого понимания этой проблематики невозможно добиться без знания сравнительной мировой истории и понимания политической составляющей международных процессов. Однако в настоящее время только лишь ориентация на абстрактные модели функционирования политических процессов также является недостаточной, поскольку конкретика истории и процессов функционирования государств и обществ в региональных сегментах мира может вносить в эти процессы существенные коррективы.

Надо хорошо понимать при этом, что термин «Незапад» и «незападное» носит инструментальный характер, преувеличивать конструктивистское значение этого термина не стоит¹² – речь идет не о радикальной и утопической задаче переустройства мира, а

¹² Decentering the West. The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony. Ed. by Viatcheslav Morozov. Surrey, England: Ashgate, 2013. 321 p.

о познании процессов функционирования сложных социальных систем незападного типа посредством методов кроссрегионального анализа, а также анализа на региональном уровне проблемы понимания механизмов различения и сочетания общего / особенного, универсального / специфического в теоретической и практической деятельности¹³, связанной прежде всего с макрорегиональной проблематикой, где выше степень взаимосвязанности, взаимных интересов, а значит и возможностей к формированию различного рода практикоориентированных компромиссов, нацеленных на сохранение политической и экономической стабильности на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Мировое комплексное регионоведение как веха на пути новых объяснений эволюции многомерного полицентричного мира.

Мировое комплексное регионоведение в этом смысле можно рассматривать как веху на пути формулирования новых объяснений эволюции многомерного полицентричного мира и даже создания теории многомерной полицентричности в международной проблематике, которая смогла бы объяснить логику новой формирующейся архитектоники не через параллельно нарождающийся всеобщий глобальный универсализм системного характера, а через формирование трансрегиональных процессов усиления / ослабления взаимосвязанности иерархизированной и одновременно равноположенной, соположенной и основанной на взаимопроникновении системы регионов мира.

В одной из своих статей заведующий Кафедрой теории регионоведения МГЛУ В.В. Макаренко высказывает предположение, что мировое комплексное регионоведение, как дисциплина и направление,

¹³ Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // Сравнительная политология. 2015. № 2. С. 13. [Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // *Comparative Politics Russia*, 2015, No 2, p. 13.]

находятся в процессе формирования, в то время как комплексное регионоведение уже давно оперирует географическими, геополитическими, историко-географическими, культурными и экономическими характеристиками региона¹⁴. Однако комплексное регионоведение не решает и даже не ставит задачу объяснения глобальной взаимосвязанности мира, связанной как с технологической, так и с духовной стороной развития человечества, сохраняя, и даже пестуя онтологический разрыв между региональным и глобальным.

Мировое комплексное регионоведение в свою очередь идет существенно дальше комплексного регионоведения, развивая его теоретическую сторону и выделяя такой тип регионов, как функциональный регион наряду с географическими и другими традиционными (исторический, международный, культурный, экономический и др.), которыми оперирует комплексное регионоведение и традиционное регионоведение. Функциональный регион не обязательно имеет какие-либо географические границы, хотя он имеет, конечно, свои географические координаты. Он может вообще не иметь точных географических границ, или может быть разделенным географическими континентами или океанами. Функциональные связи, на основе которых образуется функциональный регион, могут носить в том числе как транснациональный, так и трансрегиональный характер. Т.е. понятийный аппарат мирового комплексного регионоведения в его мироустроительной интерпретации шире, чем у «классического» регионоведения, и даже «комплексного регионоведения», включает мироустроительную составляющую и понятийный аппарат, включающий понятия «макрорегиона», «мезорегиона», «регионального комплекса», «региональной подсистемы», «функционального региона»

¹⁴ Макаренко. В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // Сравнительная политика. 2019. № 4. С. 12-33. [Makarenko, Vadim V. Ob obyektнопредметном pole regionovedeniya i yego meste v ryadu drugikh nauk (On the Object-Subject Field of Regional Studies and Its Place among other Sciences) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 12-33.]

как особого типа регионов, и не исключает также такой его нарождающийся тип или вид (это еще предстоит установить в ходе дальнейших исследований) как «глобальный регион», а также такого понятия как «трансрегионализм», которое объясняет механизмы старой и новой взаимосвязанности сегментов мира в условиях формирования новой мироустроительной архитектуры¹⁵. Т.е. мировое комплексное регионоведение вопреки некоторым представлениям не постулирует необходимость анклавно-конгломеративного развития мира, но и не исключает полностью такой путь развития как, к примеру, глобализм, который основывается на том, что глобальность и глобальный порядок представляет собой в географическом аспекте единое нефрагментированное пространство, ограниченное геосферой. Мировое комплексное регионоведение объясняет взаимосвязанность и глобальность мира через понятия трансрегионализма (разных типов) и функциональности (разных типов и видов), т.е. рассматривает взаимосвязанность и глобальность как процесс формирования глобальных регионов с разной степенью плотности функциональных связей и взаимоотношений, соединенных разнопорядковыми, соположенными, равноположенными и взаимно переплетенными трансрегиональными связями разных типов. Мировое комплексное регионоведение вводит в научный оборот универсализированное (именно «универсализированное», а не «универсальное») понятие региона, которое признает наличие у региона изменяющихся и даже «текущих» границ, объясняет причины этого феномена, позволяет форматировать и управлять этим процессом, а также

¹⁵ Кузнецов Д.А. От региональной интеграции к трансрегиональной: к постановке теоретической проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 94-103. [Kuznetsov, D.A. Ot regional'noy integratsii k transregional'noy: k postanovke teoreticheskoy problemy (From Regional to Transregional Integration: Theoretical Issue) // *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 2019, Vol. 5 (71), No. 1, pp. 94-103.]

заниматься прогнозированием и форматированием процессов мироустроительного характера на всех уровнях анализа – национальном, региональном и глобальном. Универсализированное понятие региона является онтологическим звеном взаимосвязи глобального и национального уровней в международных отношениях, которое позволяет концептуализировать сферу регионального как отдельный уровень анализа, управления и форматирования, показывая, как и на основе каких связей стягивается разрыв глобального и национального.

В соответствии с универсализированным определением региона «под *регионом* в широком смысле подразумевается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в специфической однородности географических, природных экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию»¹⁶.

Универсализированное понимание региона создает базу для понимания истинной методологической меж- и транс- и постдисциплинарности международной проблематики¹⁷, позволяет рассматривать процессы формирования и эволюции как территорий внутри государства, так и самих государств, а также региональных образований разного рода шире, чем территория национального государства. Понятно и практическое экономическое значение такой постановки вопроса. Мировое комплексное регионоведение (МКР) позволяет рассматривать глобальный мир как систему взаимосвязанных регионов

разного типа, в том числе в одной из его идеализированных ипостасей как глобальный мир сегментированных в пространстве, но особым образом взаимосвязанных, накладывающихся друг на друга, соположенных или равноположенных многомерных глобальных регионов, «глобальность» которых саморегулируется или регулируется (изнутри или извне) успешностью / неуспешностью комплексных моделей их существования в пространстве-времени мирового развития. С этой точки зрения глобальный мир в его идеализированном проявлении можно рассматривать как единый макро-регион плоскостной развертки глобальных связей, отвлекаясь от того факта, что 3D развертка этого глобального региона на всю свою глубину может быть сегментирована менее существенными различиями в конкретных сегментах политических, экономических или культурных связей, существенных для населения, к примеру, с точки зрения его привычного жизненного уклада, но унифицированного определенными правилами и нормами на глобальном уровне взаимодействия представителей отдельных государств.

Появление универсализированного определения региона носит далеко идущие последствия, поскольку оно позволяет переформулировать признаки и характеристики современного периода трансформации глобального порядка. В соответствии с этим определением:

1. Глобальное не обязательно нефрагментировано. Оно может быть фрагментировано особым образом на равноположенные или соположенные, взаимонакладывающиеся глобальные регионы или регионы других типов, границы которых относительны и изменяемы в соответствии с конкретными условиями, отраженными в универсализированном понятии региона. Т.е. определенные типы и виды особого, основанного не на географических принципах, фрагментирования мира не обязательно вступают в противоречие с глобальным, а могут даже вполне гармонично с ним сосуществовать на основе взаимопроникновения составных частей, функциональной взаимосвязанности интегративного типа и трансрегиональных

¹⁶ Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность. М.: Магистр, 2020. С. 148. [Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye: vvedeniye v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: an Introduction to the Specialty). Moscow: Magistr, 2020. P. 148.]

¹⁷ Мировое комплексное регионоведение. М.: Магистр, 2020. С. 368-376. [Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye (World Comprehensive Regional Studies). Moscow: Magistr, 2020. Pp. 368-376.]

взаимодействий, отражая более сложное и комплексное понимание – согласование мироустроительных закономерностей на современном этапе развития человечества.

2. Глобальное фрагментированное и взаимосвязанное особым образом не обязательно предполагает только наличие иерархических структур, а может осуществляться на основе сетевых принципов взаимодействия, которые строятся на других основаниях, чем иерархические структуры.

3. Следствием сформулированных выше положений может быть не появление универсального глобального порядка, которое все никак не явится миру по многим причинам, а многофакторное равновесие взаимосвязанных и постоянно трансформирующихся и трансформируемых регионов мира, развивающееся на основе конкуренции, функциональных связей, трансрегионализма и сетевых принципов взаимодействия.

4. В международной системе такого типа становятся главными не только и не столько мирополитические принципы отчетливых моделей власти, иерархии и неравенства, принадлежность к тому или иному уровню иерархии, предполагающей особое влияние на принятие решений, сколько сетевые модели взаимосвязанности на основе функциональных принципов взаимодействия, трансрегиональных связей, консенсусности и соглашений разного рода.

5. Такая постановка вопроса не отрицает необходимость наличия механизмов регулирования / управления, но концентрирует внимание преимущественно не на механизмах власти и доминирования, а на консенсусном мироустроительном формировании многомерного полицентричного будущего путем взаимоприемлемых соглашений консенсусного типа.

При анализе международной проблематики основная проблема как раз и заключается с одной стороны в сложности описания и прогнозирования развития сложности конкретной реальности, которая трудно поддается концептуализации и универсализации, а с другой – в сложности ее концептуализации в практическом мироустроительном, мирополитическом и кроссрегиональном анализе. Зачастую в ре-

альной политической жизни это приводит к формированию упрощенной картины мира и превалированию примитивизированных практических решений краткосрочного характера в ущерб разработке стратегического видения и его воплощения в жизнь.

Истинно конкурентное, значимое и приемлемое «национальное» может стать неотъемлемой частью «мирового», поскольку позволяет на основе собственного оригинального и мирового научного и передового знания форматировать в том числе и региональный, и мировой процесс, а не только переформатировать национальное, нередко даже насильственным образом, на основе глобального «универсального», возникшего изначально в других национальных культурах и, возможно, в совсем других исторических обстоятельствах, что может оказаться губительным для национальных государственных образований разной степени внутреннего устройства и внутренней конкурентности.

Своеобразие, в том числе и национальное, мирового комплексного регионоведения как национальной научной школы как раз и заключается в том, что превалирующая в международных отношениях и мировой политике парадигма реализма утверждает, что форматировать реальный мирополитический процесс могут только «великие» или «супер» державы в ходе униполяризации или биполярных противостояний, а все другие парадигмы (и другие типы держав) в практической внешнеполитической и международной деятельности играют вспомогательную, нормативную или идеалистическую роль. Мировое комплексное регионоведение доказывает, что понимание взаимосвязей национального, регионального и глобального уровней, внутренних и внешних факторов, позволяет на основе управления региональными и макрорегиональными процессами влиять в том числе и на мироустроительные тенденции, и даже их форматировать, способствуя формированию не просто, и не столько геополитических центров силы, сколько многомерного полицентричного мира равноположенных и соположенных креативных возможностей, основанного на международных компромиссах и соглашениях, а не на силовых преобразованиях разной степени жесткости.

Россия изменила свое место в мирополитической системе, сама очень сильно трансформировалась и изменилась по сравнению с СССР. Мирополитическая система также продолжает претерпевать большие изменения. Кажется, что Россия может решить задачу «возвращения» статуса истинно «великой державы» теми же способами, как и СССР в свое время. А следовало бы подумать «на упреждение» – какой будет мировая система через несколько лет, в каком направлении она может трансформироваться и какие государства, в каком качестве, на каких «ступеньках» мировой иерархической лестницы, если система мировой иерархии не трансформируется или вообще не уйдет в прошлое, будут находиться – и, исходя из этого, разрабатывать и реализовывать проекты таких уровней прогнозирования, которые станут инструментом решения поставленных задач в будущем.

Кстати, Б. Бузан и О. Уэвер (лидеры британской и скандинавской школ международных отношений) в своей ставшей классической книге *“Regions and Powers”*¹⁸, обосновавшие в англосаксонской традиции международных отношений необходимость вычленения регионального уровня международных отношений как самостоятельного уровня анализа, полемично утверждали, что понятие глобального уровня сконструировано искусственно, но анализ только лишь на уровне национального уже не позволяет решать насущные вопросы международных отношений, в том числе безопасности и развития. Смысл этой полемической аргументации как раз и заключался в необходимости концептуализации регионального уровня как фактически самостоятельного, но «увязанного» с другими в мировой ТМО в единой и непротиворечивой системе аргументации.

В российской национальной школе комплексного регионоведения многое уже было параллельно проработано и обосновано, но издание книги Б. Бузана и О. Уэвера в издательстве Кембриджского университета

в серии книг по ТМО интеллектуально «легализовало» это направление во всем мире, в том числе и в нашей стране, дав возможность открывать образовательные программы, публиковаться в высокорейтинговых отечественных и зарубежных издательствах. Б. Бузан, О. Уэвер сначала показали, как можно достроить ТМО, «легализовав» региональный уровень, отсекая крайности и концентрируясь на практически выполнимых задачах, но фактически, также как параллельно это происходило и в российской традиции, определили основу для нового направления в рамках международных исследований, и даже в такой ее специфической части, как ТМО.

Глобальные проблемы интернациональны, для их понимания и решения достаточно интернационального знания. Знание региональной и национальной специфики кажется избыточным, но мировое комплексное регионоведение убедительно вскрывает и объясняет не менее важное, имеющее глобальный и универсальный характер – проблему взаимосвязанности и сочетания «общего», «универсального» и «специфического», «частного» в реальной жизни, на теоретическом уровне обосновывая механизмы формирования «глокального» как нового феномена современного мира. Глокальное и есть новая форма практически осуществляемой взаимосвязанности, а трансрегионализм – ее инструментальное проявление, ориентирующее мир на развитие, а не на консервацию только архаики или только новаций в локально окупившихся «ядрах» национальной стабильности, которые, возможно, могут так и остаться в этом «окупившимся», но не раскрывшимся виде навсегда.

В идеале при развитии дальнейших теоретических положений в этом направлении нужно подняться над проблемой иллюзорной несовместимости глобального и национального уровней и выйти на уровень проблемного синтеза и интегрированного видения проблематики, показав, как региональное «перетекает» в макрорегиональное и глобальное, а глобальное становится глокальным, формируя в свою очередь новое качество регионального и глобального.

¹⁸ Buzan, B.; Wæver, O. *Regions and Powers: The Structure of International Security* / B. Buzan, O. Wæver. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 с.

**Как оценивать «незападное»?
Почему Китай «ищет» свое место в новой
мировой системе?
Как оценивать «постколониальность»?**

Незападное – это не будущее, это часть прошлого и настоящего. Но и западного, как оно полемично формулируется сегодня противниками Запада, давно уже нет – Запад, как и весь мир в целом, меняется. Незапад же пока не может предложить ни более универсального, ни более привлекательного, возможно, что не «пока», а «вообще». Но постулирование своего отличия от Запада и отрицание Запада Восток продолжает и, во многих случаях, весьма убедительно. Это постулирование само по себе достойно научной рефлексии, иначе возможны неожиданные политические последствия, в некоторых конкретных случаях и очень опасного толка.

Китайцам удалось создать вторую экономику мира «со спецификой» – с китайской, т.е. незападной спецификой, во что никто не верил, и никто от них не ожидал. Теперь им надо решать новые проблемы – как сохранить уровень достигнутого и в политической, и в экономической областях, как не попасть в изоляцию, как развить и с какой повесткой вписаться в будущее. Это и есть «новая эпоха», провозглашенная Си Цзиньпином, именно это постулирует лидер Китая, а уж как это интерпретируется в политическом мире вовне с точки зрения конкретных интересов других стран, транснациональных политических и экономических кланов и конгломератов, совсем другое дело.

Китайцы проблемы мировых трансформаций ощущают теперь острее, чем другие в силу неожиданного американо-китайского торгового и научно-технологического противостояния. Финансовые ресурсы у китайцев есть, пользоваться с толком этими ресурсами они умеют, влияние их проблем на мир и на нас самих куда больше и куда масштабнее, чем многих других стран. Так что интерес к осмыслению нового у них должен быть из чисто прагматических соображений необходимости сохранения достигнутого, да и сама китайская культура это предполагает. Может помешать идеология и провозглашенная реидеологизация. Но

и это Китай, как мне кажется, уже понимает, во всяком случае, то новое поколение, с которым встречаются российские эксперты, абсолютно точно.

Глобальная универсализированная экономика американизированного типа действительно движется по миру как каток бульдозера. Универсализированным экономическим принципам трудно что-то реально противопоставить кроме автаркии, последствием которой могут быть перманентная стагнация или окончательное национальное угасание. Но Африка, к примеру, Америкой долго еще не станет, а может и не станет никогда. Как, впрочем, и Китай, который скопировал у Америки очень многое по отдельности и сумел составить из этого «по отдельности» свою успешную модель развития¹⁹.

При этом американский подход, в отличие от китайского, не решает многого – практически не оставляет места для полицентричности, т.е. в принципе даже какой-то степени независимости, предполагает стратегическую униполярность, не решает во многих аспектах проблему развития для других, поскольку невозможно Америку «скопировать» на другой национальной почве. Американская модель и американский подход сами нуждаются в переосмыслении и новом национальном консенсусе, поиск которого, собственно, и происходит в форме острых дискуссий, которые в ряде случаев даже вышли за рамки интеллектуальных дебатов²⁰. Однако, хотя Америка в ходе этого «переосмысления» накопила огромный опыт и на Западе как площадке интегрированного интеллекта появился новый колоссальный объем высококлассной информации, достойной осмысления, процесс выработки нового политического компромисса, новой страте-

¹⁹ Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. М.: Стратегические изыскания. 736 с. [Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (China's Development Model: Appraisals, Discussions, Prognostications). Moscow: Strategic Studies Publishing House, 2019. 736 p.]

²⁰ Андерсон, Перри. Перипетии гегемонии. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 291 с. [Anderson, Perry. The H-World. The Peripeteia of Hegemony. N.Y.: Verso, 2018.]

гии и нового синтетического политического знания пока не закончен. Но и у Китая, и Незапада в целом также нет внятной стратегии, кроме поиска своего места в новом мире и апеллирования к большей справедливости и большему равенству в отношениях.

Постколониальность, т.е. выход за рамки зависимости от западной, точнее англосаксонской теории международных отношений новых глобальных общественных наук и науки о международных отношениях в особенности можно постулировать, но так и остаться зависимым «внутри» этой системы координат²¹. Поэтому думать надо о качестве вопросов для размышления о будущем, то есть о «номенклатуре» проблем в «стратегическом» круге вопросов приближающегося будущего и необходимом научном инструментарии для ответа на эти вызовы. Это и теоретическая, и практическая проблема одновременно.

Незападное – это осмысление конкретного этапа развития международного и политического. На основе незападного объединиться тоже непросто, практический мироустроительный смысл такого объединения может быть только в координации интересов, обеспечивающих собственное успешное развитие. Это неплохой инструмент, ресурс которого также не бесконечен. Нужен будет и другой, поскольку существующее сегодня западное универсальным тоже уже не становится, разве что в Африке. Кроме упомянутого проблема постколониальности тоже входит в новую объяснительную часть глобальных процессов. «Новую» глобальность все равно придется осмыслить заново. Как будет называться теоретическое объяснение этой новой глобальной архитектуры мира – второстепенный вопрос, а осмысление содержательной стороны этого осмысления и новое теоретизирование – вопрос первостепенной важности.

Дискуссия о национальных школах

²¹ Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 33-60. [Ionov, I.N. Novaya global'naya istoriya i postkolonial'nyy diskurs [New Global History and Postcolonial Discourse] // *Istoriya i sovremennost'*, 2009, No. 2 (10), pp. 33-60.]

международных отношений и судьбе востоковедения как еще одна веха осмысления многомерного полицентричного мира

Существенной вехой на очередном этапе объяснения логики трансформации мировой архитектуры оказалась постановка проблемы национальных школ международных отношений, особенно продуктивные усилия по формированию в Китае «китаезированной» школы МО, которая ориентирована на соединение глобального и национального в ТМО, прежде всего для решения утилитарной политической задачи – «смикшировать» процесс вписывания нового глобального Китая и уменьшить процессы его отторжения в том числе и в их конкретных проявлениях – санкции, гибридные, торговые, научно-технические войны и т.д. Мир неформально распался на два интеллектуальных крыла: одни ждут, когда коллективный интеллект Запада выработает какой-то консенсус и предложит практическую политику его воплощения в жизнь, другие пытаются экспериментировать с альтернативными подходами разной степени конструктивности. В Китае «национализация» ТМО происходит под влиянием западной ТМО, но на основе выявления своей философской и политической специфики²². Практической же задачей этих интеллектуальных усилий являлась гармонизация «вхождения» Китая в глобальный мир мирового сообщества на новых условиях при мировой турбулентности и транзите власти в самом Китае. Эта задача Китаем уже по большей части выполнена, механизм гарантирования социально-политической стабильности создан, хотя он и оспаривается извне, прежде всего странами с другими механизмами политического развития.

Существующее параллельно с международными отношениями китайское регионоведение за рамки национального и регионального в географическом и историко-культурном понимании этих терминов пока не выходило, теоретическая составляющая

²² Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. 270 p.

в нем пока не развивалась, системность не выходит за рамки понятия национального государства, а пути формирования комплексных подходов только нащупываются. В этой области, кстати, есть большие перспективы для российско-китайского сотрудничества, также и сотрудничества с некоторыми другими восточными странами, ставящими для себя похожие проблемы для решения практических задач схожего типа.

Сегодня становится вполне ясным, что теоретический аппарат «классических» ТМО нужно расширять в том числе и за счет понятийного аппарата и концепций комплексного регионоведения, которые разрабатываются в национальных школах международных отношений хотя бы потому, что никаких альтернативных внятных других путей расширения и совершенствования ТМО пока просто не наблюдается. Применение искусственного интеллекта и всеобщая мировая цифровизация не могут рассматриваться в качестве альтернативы, поскольку являются паллиативом, не исключающим частичное или даже полное исчезновение ТМО и самих международных отношений с их существенной, и все еще определяющей их содержательное развитие, гуманитарной компонентой. Не случайно, что в дополнение к научным дискуссиям социумами продуцируются и некоторые направления поп-культуры с ее «терминаторами» и «судным днем».

Если востоковедение действительно должно стать «востоковедением XXI в.», как многие провозглашают, то оно должно приобрести комплексный характер, а его методологическая база должна включать не только историко-филологический аппарат, но и научный аппарат общественных наук²³. Спор же в востоковедении пока идет о «характере» самого «востоковедения»²⁴.

²³ Ориентализм vs ориенталистика / Отв. ред. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: Садра, 2016. 440 с. [Orientalism versus Orientalistika (Orientalism versus Orientalistics). Ed. by V.O. Bobrovnikov, S. Dzh. Miri. Moscow: Sadra, 2016. 440 p.]

²⁴ См. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник РУДН. Серия: Международные

Является ли оно аутентичным методологически и содержательно? Достаточно ли эклектичного сочетания «классического» востоковедения с новыми «дисциплинарными» направлениями – политическим, экономическим, социологическим, но все же с большей ориентацией на цивилизационные / интерпретационные особенности? Или же возможно сформулировать научные теоретические положения и теории «среднего» уровня, исходя из региональной и макро-региональной, т.е. как бы «усредненной», «универсализированной» специфики, т.е. признающие только наиболее важное, смыслообразующее в этой специфике. Последняя позиция как раз признает наличие вполне выпуклых закономерностей «глобального» характера и выявляет их на основе реальных тенденций – повышения роли Востока в мировой экономике и мировой политике, в том числе и при понимании его культурно-исторической специфики.

В «классическом» востоковедении повышение роли Востока часто трактуется как «возвышение», возможность простой «замены» в мировой системе Запада Востоком, полного изменения экономических, культурных и военных «командных позиций» в мире. Тем самым по большей части отрицается возможность Запада трансформироваться также быстро или даже быстрее, чем Восток. Но эти же проблемы могут трактоваться с точки зрения формулирования теорий «среднего» уровня – инструментария для решения практических задач (объяснять, сравнивать и прогнозировать) – думать, что и как из этих теорий могло бы быть востребовано в «глобальной» ТМО, сделав ее более универсализированной и восприимчивой к «незападным» новациям, уменьшая радикализм «проникновения» нового и, одновременно, помогая трансформировать-

отношения. 2020. №2. [Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye kak issledovatel'skiy podkhod i nauchnaya shkola. Interv'yu s Alekseyem Dmitriyevichem Voskresenskim, professorom MGIMO MID Rossii (World Regional Studies as a Research Approach and a Scientific School. Interview with Alexei Dmitrievich Voskresensky, Professor at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia) // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2020, No. 2.]

ся существующим на сегодня организационным формам мира, которые требуют необходимого изменения, но при сохранении преемственности и без угрозы распада или растворения во всеобщей глобальности.

Мировое комплексное регионоведение «не вмещается» в прокрустово ложе «правил» «западоцентричной» политологии и глобально-западоцентричной ТМО, которые видят в Востоке в основном только архаику и экзотику. При этом западоцентричные политические теории глобального толка испытывают явные трудности обоснования и построения на практике со странами Востока взаимовыгодных, равноправных политико-экономических отношений конструктивного типа и стратегического характера, загоняя нашу страну в дальнейшую изоляцию и самоизоляцию. При этом общественные науки в силу объективных причин сложности осмысления трансформационных процессов переходных периодов перестали осмысливать динамику изменений структурно-исторической и структурно-политической специфики, выявлять характер связей «внутри» политической культуры разных стран, специфику протекания процессов модернизации и развития в разных национально-региональных условиях, которые бы объясняли «расхождение» реально успешных моделей существования и развития как западных, так и восточных стран с постулатами глобальных схем всеобщей универсализации, рецепты которых нередко противоречат реалиям успешного опыта и успешным моделям национального развития. Стандартизация и цифровизация могут упорядочить, но не могут обеспечить развития, а тем более расцвета, особенно в социокультурных, общественных и гуманитарных областях знания. При этом аргументация в этой дискуссии все также продолжает вращаться «вокруг» дихотомии «особой ментальности», «архаики специфики» и «необходимости универсализации» в «глобальном мире» и не выходит за рамки типизированных постулатов, препятствующих развитию дальнейшей дискуссии на этом направлении.

Опыт Китая – бедной страны с огромным населением – показывает, что «чудо» успешной модели национального развития де-факто уникально, но «чудо успешной

модели национального развития» осуществляется на основе глобальных, макрорегиональных или региональных рецептов развития, т.е. национального, которое может выйти на более широкий уровень и при этом не быть отторгнутым. Оно включает концепцию трансрегионализма, международной кооперации и передачи новых технологий на основе глубоко продуманной политики взаимовыгодной кооперации и сотрудничества. Пример «больших» стран, и особенно успешность китайской модели, только подтверждает эти умозаключения. Предыдущие же попытки выработать «метатеории» в рамках одного из вариантов западной теории – марксизма – на основе концепции коммунизма как «будущего всего человечества» и «азиатского» способа производства как «отклонения» от стадильности западного типа, или же в рамках «культурной теории» специфики на основе выявления «генома» Востока, не увенчались успехом.

Задача не просто поставить, но постараться решить эту проблему на уровне методологии и теории, обосновывая, развивая, показывая специфику применения общедисциплинарных инструментов в кроссрегиональном политико-экономическом анализе, т.е. в конкретных условиях, выявляя, объясняя и прогнозируя социокультурные процессы «совместно» с их политико-экономической составляющей.

Специфика мирового комплексного регионоведения (МКР) не в том, что это организационная форма конгломеративной или синтетической интеграции разных наук, междисциплинарное или поли-дисциплинарное знание, т.е. форма объединения разнородных знаний в учебно-синтетической дисциплине, а в том, что оно представляет собой удобную методологическую платформу для решения практических задач построения будущих теорий многомерного полицентричного мира, основанного на компромиссах и соглашениях, и в силу этого открывает возможность для практического решения вопросов построения многомерного и взаимосвязанного полицентричного мира.

В мировом комплексном регионоведении сегодня есть развитая теоретическая / конструктивная часть со своей спецификой.

Она основывается на:

1. опоре на структурообразующую категорию «пространство-время», которая увязывает обществоведческую и гуманитарную составляющую этого научного направления с общенаучной.

2. сочетание системного, комплексного и интегративного подходов, приближающееся к созданию интегративного и синтетического знания.

3. понимание системности, в том числе и через объяснение особенностей функционирования сложных систем, и комплексности не только как конгломеративности, но и как формирования интегративных подходов и объяснений синтетического типа.

4. наличием универсализированного понятия «регион» и созданного на его основе развитого аутентичного понятийного аппарата, отличного от понятийного аппарата международных отношений, мировой политики и ТМО и пока не вошедших в полной мере в понятийный аппарат науки о международных отношениях.

5. признанием взаимосвязанности внешнего и внутреннего факторов развития регионов разного типа (включая национальные государства как вид региона), выявленных на основе метода кросс-регионального анализа.

6. признанием де-факто дифференцированности мирового пространства не как основы мировой иерархии, а как внутренней движущей силы развития мира.

7. концептуализацией глокального как новой формы практически осуществляемой взаимосвязанности, и трансрегионализма как ее инструментального воплощения, ориентирующего мир на развитие, а не на консервацию иерархизированной архаики или новаций в локально окупившихся «ядрах» национальной стабильности, которые, возможно, так и останутся в этом «окупившемся», но не раскрывшемся виде навсегда.

8. наличием методологического аппарата, разработанного на основе комплексных / интегральных методов, «ограниченных» сфокусированным структурированным сравнением и необходимостью построений теорий «открытого» типа, т.е. ориентирующих на применение практикоориентируе-

мой методологии конструктивного типа.

Таким образом мировое комплексное регионоведение видится не просто как пост-или транс-дисциплинарное направление, а как развитая методологическая платформа исследования процессов мирополитического характера на всех трех уровнях – глобальном, региональном и национальном в их реальной взаимосвязи и с объяснением причин и последствий этой взаимосвязанности. В этом своем качестве мировое комплексное регионоведение как методологическая платформа анализа международных процессов глокального типа представляет особый интерес для науки о международных отношениях, не отрицая наличия и других дисциплинарных / междисциплинарных направлений.

Мировое комплексное регионоведение сегодня оформлено в виде сегмента внутри образовательного направления «зарубежное регионоведение». Это учебное направление в реальности давно перешло с уровня учебной эклектики на научно-синтетический уровень, продуцирующий теоретическое знание синтетического типа, реализующееся во вполне конкретных успешных научно-практических исследованиях по региональным политическим, энергетическим и другим аспектам международных отношений и международной проблематики, кросс-региональному анализу моделей развития, анализу мирополитической составляющей макрорегиональных процессов, сравнительным исследованиям трансрегионализма и разных моделей регионализма и т.д.²⁵ Одно-

²⁵ См., к примеру, Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В. Торкунова; МГИМО(У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007. 1040 с. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii (Energy Dimension of International Relations and Security in East Asia) / General ed. by A.V. Torkunov. Moscow: MGIMO University, 2007. 1040 p.]; The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglarka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Boors, 2019. 228 p.; Is Non-Western Democracy Possible? A Russian

временно ТМО в реальности так пока и не стала глобальной, опирается на все методы социальных наук и ищет объективность в применении количественных методов и обезличенного национального и международного управления на системном уровне. Если при этом «национализация» ТМО и происходит, то реальные результаты наблюдаются пока только на экспериментальном научном уровне и в ограниченных специфических сегментах. До внедрения этих экспериментальных исследований в область массового образования еще достаточно далеко.

Школы комплексного регионоведения де-факто существуют в разных странах, хотя называться они могут по-разному – где то комплексное регионоведение, а где то – международные исследования, англоязыч-

Perspective. Singapore: World Scientific Publishers, 2017. 738 p.; Ou-Ya Zhongxin Kua Quyu Fazhan Tizhi JiZhi Yanjiu = Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications. Edited by Li Xing & Alexei Voskressenski. Beijing: Jiu Zhou Chubanshe, 2016. 495 p.; Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. МГИМО (У) МИД России. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: МГИМО-Университет, 2015. 624 с. [Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes). 2nd Ed. Moscow: MGIMO University, 2015. 624 p.]; “Большая Восточная Азия”: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс. МГИМО(У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. 443 с. [«Bol'shaja Vostochnaja Azija»: mirovaja politika i regional'nye transformacii (“The Greater East Asia”: World Politics and Regional Transformations). Moscow: MGIMO University, 2010. 443 p.]; Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 512 с. [Konflikty na Vostoke: etnicheskie i konfessional'nye (Conflicts in the East: Ethnic and Religious). Moscow: Aspekt Press, 2008. 512 p.]; Политические системы и политические культуры Востока / МГИМО (У) МИД России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 827 с. [Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka (Political Systems and Political Cultures of the East). Moscow: Vostok-Zapad, 2007. 827 p.] и др.

ных названий еще больше – World Regional Studies, Comprehensive Regional Studies, Regional Studies, International Studies и т.д. – т.е. реально существуют во многих странах, но над проблемой комплексности кроссрегионального анализа сложных социальных процессов в том числе и в международной сфере, проблемой различия и сочетания общего / особенного, универсального / специфического на региональном уровне международно-региональной и национальной проблематики работают в основном в России, Китае, Франции, Германии и США.

В России в ТМО неформально существует две ее версии, одна исходит из практики национально ориентированного политического анализа и международно-политического взаимодействия системного типа, а другая опирается «на всю интернациональную мощь» прежде всего «западной» ТМО. В реальной практической политике эти две версии могут вступить в противоречие. Это содержательное противоречие обострилось, когда в мировой экономике возникли явления кризисного порядка, а в глобальной международной сфере они выражаются в форме популизма и политических противостояний почти во всех странах. И даже в США, где на предыдущих президентских выборах неожиданно для всех победил Д. Трамп, теперь противостояние происходит в виде борьбы с трамповской парадигмой МО, приведшей к торговым войнам и необходимости решать проблемы «пандемии» в условиях международной разобщенности. В реальной политике оказалось, что уже фактически согласованные Б. Обамой более жесткие торговые соглашения с Китаем в рамках ТПП были деконструированы Д. Трампом, который в свою очередь не сумел заключить с Китаем новые, более успешные для США торговые соглашения, а привел страну к торговым войнам, которые поставили страну и мир на грань новой экономической рецессии. При таком парадигмальном объяснении остается только наблюдать, кто станет «победителем» в «глобальном» противостоянии США и Китая, кто скорее ослабнет, кто уступит, кто кого «утопит».

Однако противостояние это в конечном

счете искусственно, а всеобщая цифровизация не решает проблему ни спланированного, ни тем более спонтанного экономического роста и может носить губительные последствия для всей мировой экономики. Окончательных победителей в нынешнем уже сильно глобализованном мире не будет, да и не может быть. Проиграют в конечном счете все, каждый в своей какой-то конкретной области, и особенно другие страны, и даже целые региональные объединения. Правда, похоже, что понемногу все участники международных процессов начинают извлекать уроки из этих противостояний, и нащупывают пути к разумному компромиссу и консенсусу.

Заключение

Понимание логики переформатирования стран и регионов – это тоже часть проблематики мировых трансформаций, это процесс, у него всегда есть какая-то цель, но результаты могут быть промежуточными, а сам процесс – состояние постоянного переформатирования. В идеале цель – максимально универсальная, т.е. та, которая будет привлекательной для всех, для России в том числе. Ключ к пониманию сегодняшней формы протекания мироустроительных процессов – Китай, поскольку он неожиданно оказался на пике мировой политической и экономической конкуренции, определяющей ход, направление и скорость мирового развития, и, одновременно, он – главный участник одновременной трансформации на глобальном, региональном и локальном уровне. Фактически, именно Китай сегодня находится в процессе практического формирования новой крупномасштабной глокальности, которая фиксирует его изменяющееся положение в мироустроительной и мирополитической архитектонике. Одновременно он сам – стержень этого процесса крупномасштабной трансформации.

Китайская проблематика – ключ к пониманию большинства содержательных вопросов сегодняшней трансформации мира, поскольку Китай разделен и одновременно вписан в глобальный мир существенно больше, чем, к примеру, Россия, обладающая

феноменальным военным потенциалом и являющаяся военной супердержавой первого уровня. Однако в экономической области степень влияния России на мировые экономические и финансовые процессы стремится к нулю. Уменьшается по целому ряду причин и степень ее влияния на мир в культурной области. При этом проблем и ограничений у Китая не меньше, а больше, чем у России, а значение китайской проблематики для самой России имеет и глобальный, и региональный, и национальный характер.

В этом смысле суть сегодняшней мировой дискуссии о Китае – не только и не столько про проблематику Китая, Востока и не просто о Китае или Востоке. Эта дискуссия в действительности посвящена выявлению логики формирования интегрированного многообразия в полицентричном мире глобальной взаимозависимости, возможно, на каком-то новом этапе его развития. Одновременно, проблематика интегрированного многообразия во взаимозависимом мире шире и глубже, чем обозначенная дисциплинарными терминами «мировое комплексное регионоведение», «востоковедение», «мировая политика», «теория международных отношений». Правда, это также зависит от того как понимать направление «зарубежное регионоведение» и «международные отношения» – если только как инкорпорирование восточной и незападной проблематики в ТМО, расширение и «расширение» «географических перекосов» в практической внешней политике, обоснование методологической базы востоковедения и определения параметров разработки незападных теорий МО – это одно, и эта задача на сегодня в значительной степени уже практически выполнена. Если идти далее в направлении, обозначенном в мировой науке о международных отношениях как «постколониальность», то это будет означать нащупывание путей дальнейшего развития теории международных отношений и международного развития. «Постколониальность» в этом смысле даже, возможно, менее подходящий термин, чем «мировое комплексное регионоведение», который гораздо более «теоретически» нейтрален. «Постколониальность» подходит для констатации необходимости

двигаться в направлении теоретической концептуализации нового этапа действительно глобальной ТМО, в которой национальные компоненты теории, если они действительно появятся, смогут претендовать на равноположенное или соположенное «вхождение» в глобальную ТМО. Однако глобальная ТМО в опубликованной версии последней книги А. Ачарии²⁶ не решает обозначенных проблем – она написана до пандемии, а пандемия как раз выявила проблемы, на которые у А. Ачарии не было ответа.

Новая расстановка сил в архитектонике постпандемического мира обозначит эту задачу. Появление «глобального Китая» высветило только часть огромного массива проблематики, хотя «глобальный Китай» уже предложил некоторые свои пути решения общих проблем, которые, кстати, безусловно требуют дальнейшего изучения, в том числе и с точки зрения возможности или невозможности функционирования БРИКС как платформы взаимодействия крупнейших незападных региональных центров в постпандемическом мире. Существует и проблема инкорпорирования в глобальную систему новых поднимающихся государств, выработки их самостоятельной и независимой политики в новом постпандемическом мире, так чтобы не быть при этом под санкциями и иметь возможность развиваться без препон, угроз войн и разного рода вмешательств.

Теория систем решает только часть вопросов ТМО, точно также, как количественный подход. Искусственный интеллект и мир цифровых платформ не заменят человека, поскольку в противном случае исчезнет жизнь. Системность, и количественный анализ предполагают дальнейшую практикоориентированную интерпретацию и выявление не только базовых, но и перспективных направлений эволюции многомерности и полицентричности мира в их перспективной консенсусной интерпретации. Без этого развитие видится затруднительным, затратным и конфликтным процессом, т.е. устойчивое развитие человечества будет не гарантировано.

²⁶ Acharya, Amitav. *Constructing Global Order. Agency and Change in World Politics*. Cambridge; Cambridge University Press, 2018. 207 p.

Литература:

Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Политические исследования. 2016. № 1. С. 29-43.

Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Андерсон, Перри. Перипетии гегемонии. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 291 с.

Барановский В. Новый порядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, №5. С. 7-23.

«Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс. МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. 443 с.

Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний / А.Д. Воскресенский; МГИМО (У) МИД РФ; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Восток-Запад / Муравей, 2004. 603 с.

Воскресенский А.Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика / А.Д. Воскресенский; Никитский клуб. М.: Восток-Запад, 2004. 124 с.

Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / А.Д. Воскресенский; Моск. обществ. науч. фонд; Ин-т Дальнего Востока РАН; центр «Россия-Китай». М.: 1999. 408 с.

Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / П.М. Иванов, А.И. Салицкий, С.М. Труш, А.В. Ломанов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность, 2000, № 5-6.

Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2011. 685 с.

Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. МГИМО (У) МИД России. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: МГИМО-Университет, 2015. 624 с.

Дегтярев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: RuScience, 2020.

Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 33-60.

Конкин А.А. Структурные особенности трансрегионального партнерства стран БРИКС и его потенциал в системе глобального управления. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 512 с.

Кузнецов Д.А. От региональной интеграции к трансрегиональной: к постановке теоретической проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 94-103.

Кузнецов Д.А. Феномен международного трансрегионализма и его влияние на современные мирополитические процессы. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. МГИМО, 2020.

Макаренко В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // Сравнительная политика. 2019. № 4. С. 12-33.

Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике. Т. 1, М.: МГИМО Университет, 2018. 478 с.

Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике. Т. 2, М.: МГИМО Университет, 2018. 597 с.

Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: науч.-метод. / учеб.-метод. комплекс по регионоведению. В 4 ч. Ч. 4. (1): Магистерская программа “Исследования регионов стран Азии и Африки” / МГИМО(У) МИД России, каф. Востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2005. 356 с.

Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. № 2.

Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. М.: Магистр: ИНФРА-М., 2015-2020. 448 с.

Мировое комплексное регионоведение. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014-2020. 416 с.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. М.: Стратегические изыскания. 736 с.

Модульный принцип обучения востоковеда в условиях Болонского процесса: сравнит. анализ междунар. опыта и авторская концепция модульной магистерской программы “Афро-азиатские исследования” по направлению “Зарубежное регионоведение” / А.Д. Воскресенский, К.А. Ефремова, С.И. Лунёв, С.Г. Лузянин; МГИМО(У) МИД России, каф. востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2007. 191 с.

Ориентализм vs ориенталистика / Отв. ред. В.О. Бровников, С. Дж. Мири. М.: Садра, 2016. 440 с.

Политические системы и политические культуры Востока / МГИМО(У) МИД России; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 827 с.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014-2020. 560 с.

Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В. Торкунова; МГИМО(У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007. 1040 с.

Acharya, Amitav. Constructing Global Order. Agency and Change in World Politics. Cambridge; Cambridge University Press, 2018. 207 p.

Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 c.

Decentering the West. The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony. Ed. by Viatcheslav Morozov. Surrey, England: Ashgate, 2013. 321 p.

Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social

Science // Сравнительная политика. 2015. № 2. [Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // Comparative Politics Russia, 2015, No. 2.]

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Singapore: World Scientific Publishers, 2017. 738 p.

Russia and China: A Theory of Inter-State Relations / A.D. Voskressenski. London & New York: RoutledgeCurzon, 2003. XXV, 278 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglarka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Boors, 2019. 228 p.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. 270 p.

Voskressenski, Alexei D.; Belokrenitskii, V. Ia.; Lunev, S.I.; Strel'tsov, D.V.; Efremova, K.A. Vostok v mirovoi politike. Sravnitel'nyi analiz mirovykh protsessov (The East in World Politics. Comparative Analysis of World Processes). Moscow: Izdatel'stvo Jurist, 2010. 146 p.]

欧亚中心跨区域发展机制研究Ou-Ya Zhongxin Kua Quyu Fazhan Tizhi Jizhi Yanjiu = Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications. Edited by Li Xing & Alexei Voskressenski. Beijing: Jiu Zhou Chubanshe, 2016. 495 p.

References:

“Bol'shaja Vostochnaja Azija”: mirovaja politika i regional'nye transformacii (“The Greater East Asia”: World Politics and Regional Transformations). Moscow: MGIMO University, 2010. 443 p.

Acharya, Amitav. Constructing Global Order. Agency and Change in World Politics. Cambridge; Cambridge University Press, 2018. 207 p.

Alekseyeva, T.A.; Lebedeva, M.M. Chto proiskhodit s teoriyey mezhdunarodnykh otnosheniy (What Happens to the Theory of International Relations) // Politicheskiye issledovaniya, 2016, No. 1, pp. 29-43.

Ananyina, K.A. The influence of the Chinese factor on Indian-American relations in modern world politics. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development (in Russian)

Anderson, Perry. The H-World. The Peripeteia of Hegemony. N.Y.: Verso, 2018.

Baranovsky, Vladimir G. New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern? // World Economy and Internal Relations, 2019, Vol. 63, No. 5, pp. 7-23.

Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 c.

Decentering the West. The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony. Ed. by Viatcheslav Morozov. Surrey, England: Ashgate, 2013. 321 p.

Degterev, D. Otsenka sovremennoi rasstanovki sil na mezhdunarodnoi arene b formiromaniye mnogopolyarnogo mira (Appraisals of the Contemporary Arrangements on International Arena and the Formation of Polycentric World). Moscow: RuScience, 2020. 213 p.

Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // Сравнительная политика. 2015. № 2. [Eidlin F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // Comparative Politics Russia, 2015, No. 2.]

Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnošenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii (Energy Dimension of International Relations and Security in East Asia) / General ed. by A.V. Torkunov. Moscow: MGIMO University, 2007. 1040 p.

Ionov, I.N. Novaya global'naya istoriya i postkolonial'nyy diskurs [New Global History and Postcolonial Discourse] // *Istoriya i sovremennost'*, 2009, No. 2 (10), pp. 33-60.

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Singapore: World Scientific Publishers, 2017. 738 p.

Konflikty na Vostoke: etnicheskie i konfessional'nye (Conflicts in the East: Ethnic and Religious). Moscow: Aspekt Press, 2008. 512 p.

Konkin, A.A. Structural features of the BRICS countries' trans-regional partnership and its potential in the global governance system. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development (in Russian)

Kuznetsov, D.A. Ot regional'noy integratsii k transregional'noy: k postanovke teoreticheskoy problemy (From Regional to Transregional Integration: Theoretical Issue) // *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 2019, Vol. 5 (71), No. 1, pp. 94-103.

Kuznetsov, D.A. The phenomenon of International Transregionalism and Its Impact on Modern World Political Processes. Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04 – political problems of international relations, global and regional development. MGIMO, 2020. (in Russian)

Makarenko, Vadim V. Ob obyektнопредметnom pole regionovedeniya i yego meste v ryadu drugikh nauk (On the Object-Subject Field of Regional Studies and Its Place among other Sciences) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 12-33.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies: a course book). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie i mezhdunarodnye otnošenii: nauch.-metod. / ucheb.-metod. kompleks po regionovedeniiu. V 4 ch. Ch. 4. (1): Magisterskaia programma «Issledovaniia regionov stran Azii i Afriki» (World Comprehensive Regional Studies: educational / methodology compendium (Vol. 4-1): Master programme “Asian and African Studies” / Ed. and comp. by A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2005. 356 p.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Vvedenie v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: Introduction into the Professional Field: a course book). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015-2020. .

Mirovoe kompleksnoe regionovedeniye kak issledovatel'skiy podkhod i nauchnaya shkola. Interv'y u s Alekseyem Dmitriyevichem Voskressenskim, professorom MGIMO MID Rossii (World Regional Studies as a Research Approach and a Scientific School. Interview with

Alexei Dmitriyevich Voskressenskiy, Professor at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia) // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnošeniya*, 2020, No. 2.

Mirovoe kompleksnoe regionovedeniye v pedagogicheskoy praktike (World Regional Studies in Pedagogical Practise). Vol. 2. Moscow: MGIMO University, 2018. 478 p.

Mirovoe kompleksnoe regionovedeniye v pedagogicheskoy praktike (World Regional Studies in Pedagogical Practise). Vol. 2. Moscow: MGIMO University, 2018. 597 p.

Model' razvitiya sovremennoy Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (China's Development Model: Appraisals, Discussions, Prognostications). Moscow: Strategic Studies Publishing House, 2019. 736 p.

Modul'nyi printsip obucheniia vostoковeda v usloviakh Bolonskogo protsessa: sravnit. analiz mezhdunar. opyta i avtorskaia kontseptsia modul'noi masterskoi programmy «Afro-aziatskie issledovaniia» po napravleniiu «Zarubezhnoe regionovedenie» (Modular Approach for Asian Studies Students in Bologna Process: Comparative Analysis of International Practice and the Author's Conception of Modular Master Programme “Asian and African Studies” (World Regional Studies)) / A.D. Voskressenski, K.A. Efremova, S.I. Lunev, S.G. Luzianin; Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2007. 191 p.

Orientalism versus Orientalistika (Orientalism versus Orientalistics). Ed. by V.O. Bobrovnikov, S. Dzh. Miri. Moscow: Sadra, 2016. 440 p.

Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka (Political Systems and Political Cultures of the East). Moscow: Vostok-Zapad, 2007. 827 p.

Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (Praxis of World Regional Studies and World Politics). Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 560 p.

Russia and China: A Theory of Inter-State Relations / A.D. Voskressenski. London & New York: RoutledgeCurzon, 2003. XXV, 278 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglarka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Boors, 2019. 228 p.

Voskressenskiy, A.D. Rossiya i Kitay: teoriya i istoriya mezhdunarodnykh otnošenii (Russia and China: Theory and History of Interstate Relations) / P.M. Ivanov, A.I. Salitskiy, S.M. Trush, A.V. Lomanov // *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2000, No. 5-6.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. 270 p.

Voskressenski, Alexei D. Rossiya i Kitai: Teoriya I Istoriya Mezhdunarodnykh Otnošenii (Russia and China: Theory and History of Inter-State Relations). Moscow: Institute of Far Eastern Studies / Moscow Public Science Foundation, 1999. 408 p.

Voskressenski, Alexei D. Rossiisko-kitaiskoye Strategicheskoye Vzaimodeistviye I Mirovaya Politika (Russian-Chinese Strategic Interaction and World Politics). Moscow: Nikitskii Club – Votok-Zapad Publishers, 2004. 124 p.

Voskressenski, Alexei D.; Belokrenitskii, V.Ia.; Lunev, S.I.; Strel'tsov, D.V.; Efremova, K.A. Vostok v mirovoi

politike. Sravnitel'nyi analiz mirovykh protsessov (The East in World Politics. Comparative Analysis of World Processes). Moscow: Izdatel'stvo Jurist, 2010. 146 p.]

Voskressenski, Alexei D. Kitai i Rossiya v Evrazii: Istoricheskaya Dinamika Politicheskikh Vzaimovliyaniy (China and Russia in Eurasia: Historical Dynamics of Political Influences). Moscow: Institute of Far Eastern Studies / East-Vest Publishers, 2004. 603 p.

Vostok i politika: Politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and the

Politics: Political Systems, Political Cultures and Political Processes). Moscow: Aspekt Press, 2011. 685 p.

Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes). 2nd Ed. Moscow: MGIMO University, 2015. 624 p.

欧亚中心跨区域发展机制研究Ou-Ya Zhongxin Kua Quyu Fazhan Tizhi JiZhi Yanjiu = Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications. Edited by Li Xing & Alexei Voskressenski. Beijing: Jiu Zhou Chubanshe, 2016. 495 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10045

THE LOGIC OF THE NEW WORLD ARCHITECTONICS: PRAXIS AND THEORY OF RETHINKING MULTIDIMENSIONAL WORLD AND CHINA'S SEARCH OF ITS PLACE

Alexei D. Voskressenski

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 20.08.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: The arising logic of the formation of multilayer polycentric world in the post-pandemic world is shown in this article. Formation stages in Russia of a theoretical knowledge about formation of the multidimensional, interdependent and polycentric world are analyzed. The attention is paid to practice of China search of its place in this new world. Benefits of comprehensive world regional studies as cross-disciplinary methodology framework of the analysis of processes of the multidimensional and polycentric world and at the same time as a stage of formation of future theory of the multidimensional and interconnected polycentric world are shown. To help the explanation of the interconnectivity of the multilayer world of global regions the concepts of functionality and transregionalism are developed. Attention is paid to discussions about the place of Oriental (Asian and African) Studies in the Russian nomenclature of Social Sciences. Main directions of transforming International Relations as an academic discipline in Russia are shown.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Science, PhD (The University of Manchester), Professor, Director of the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University; Professor, Department of Asian and African Studies, School of International Relations, MGIMO University</p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words: multidimensional polycentric world; theory of the international relations; International Relations; Comprehensive Regional Studies; World Regional Studies; China; functionalism; transregionalism</p>	

Для цитирования: Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаяем своего места // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 5-26.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10045

For citation: Voskressenski, Alexei D. Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki: praktika i teoriya pereosmysleniya mnogomernogo mira i poisk Kitayem svoyego mesta. (The Logic of the New World Political Architectonics: Praxis and Theory of Rethinking Multidimensional World and China's Search of Its Place) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 5-26.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10045